

Научная статья
УДК 008

Методологические подходы к изучению архитектурного пространства в философии и науке

Чапля Татьяна Витальевна¹, Ванеев Владимир Алексеевич¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. В работе осуществляется комплексный анализ архитектурного пространства как социокультурной среды, рассматриваемой сквозь призму философских и культурологических концепций. Автор прослеживает генезис научных подходов к изучению архитектурного пространства – от античных представлений о гармонии и порядке до современных междисциплинарных парадигм. Особое внимание уделяется трансформации понимания пространства: от объективной физической данности до семиотически нагруженного феномена, конституирующего человеческое существование и социальные практики. В работе выделяются и анализируются ключевые методологические подходы, такие как функционализм, консьюмеризм, средовая, феноменологическая, интеракционистская и релятивистская парадигмы. Подчеркивается переход от технократического детерминизма к антропоцентрическим моделям, акцентирующим роль человека как активного соучастника в создании и осмыслении среды. Архитектурное пространство интерпретируется не только как материальный конструкт, но и как текст, нарратив, коммуникативная система и форма социального бытия. Используя труды классиков философии, теоретиков архитектуры и социологов, автор демонстрирует, как пространство становится медиумом культурных кодов, ценностей и властных отношений. Делается вывод о необходимости интеграции философского, культурологического и социально-психологического знания для полноценного понимания роли архитектуры в формировании современного урбанизированного мира.

Ключевые слова: архитектурное пространство; социокультурная среда; философия пространства; семиотика архитектуры; урбанистика; интерпретация пространства

Для цитирования: Чапля Т. В., Ванеев В. А. Методологические подходы к изучению архитектурного пространства в философии и науке // Культурно-антропологические исследования. – 2025. – № 3. – С. 40–54.

Scientific article

Methodological Approaches to the Study of Architectural Space in Philosophy and Science

Tatyana V. Chaplya¹, Vladimir A. Vaneev¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. This paper provides a comprehensive analysis of architectural space as a sociocultural environment, viewed through the prism of philosophical and cultural

concepts. The author traces the genesis of scientific approaches to the study of architectural space—from ancient notions of harmony and order to contemporary interdisciplinary paradigms. Particular attention is paid to the transformation of the understanding of space: from an objective physical entity to a semiotically charged phenomenon constituting human existence and social practices. The paper identifies and analyzes key methodological approaches, such as functionalism, consumerism, environmental, phenomenological, interactionist, and relativistic paradigms. The transition from technocratic determinism to anthropocentric models emphasizing the role of humans as active participants in the creation and understanding of the environment is emphasized. Architectural space is interpreted not only as a material construct but also as a text, narrative, communicative system, and form of social existence. Drawing on the works of classical philosophers, architectural theorists and sociologists, the author demonstrates how space becomes a medium for cultural codes, values, and power relations. The author concludes that it is necessary to integrate philosophical, cultural, and socio-psychological knowledge for a comprehensive understanding of the role of architecture in shaping the modern urban world.

Keywords: architectural space; sociocultural environment; philosophy of space; architectural semiotics; urban studies; spatial interpretation

For citation: Chaplya T. V., Vaneev V. A. Methodological approaches to the study of architectural space in philosophy and science. *Culture and anthropology research journal*, 2025, no. 3, pp. 40–54.

Введение. В современном мире, в условиях нарастающих темпов урбанизации, глобализации, глокализации, особенно остро встают вопросы изучения архитектурного пространства города как среды пребывания человеческих индивидуумов. Многочисленные исследования в различных областях гуманитарного знания (психологические, социологические, культурологические и т. д.) констатируют особое влияние специфических черт городской архитектурной среды как на психологическое состояние отдельных лиц (городских жителей) в частности, так и на специфику протекания и направленности социальных процессов (в различных группах городского населения) в целом. В данной парадигме город, как архитектурное пространство, становится не только физическим местом пребывания, характеризуемым в шкалах физических измерений (км, мин., °С и т. д.), но и особой средой знаков, образов, смыслов и ценностей, способной оказывать влияние на становление и развитие психологических особенностей отдельных индивидуумов и социальные практики целых групп населения.

Таким образом, выявленное влияние архитектурного пространства на психосоциальные особенности функционирования представителей городского населения, а также недостаточная изученность области, соответствующей заявленной теме, подчеркивают актуальность данной работы.

Целью данной работы является анализ исторических и философских подходов к изучению особенностей архитектурного пространства как среды.

Методология. Работа основана на междисциплинарном подходе, включающем философские, социологические, психологические и архитектурные теории (концепции и подходы).

Обсуждение. История архитектуры берет свое начало в глубокой древности, когда первобытные люди начали возводить свои простейшие жилища, и продолжается по сей день. В процессе ее эволюции ключевую роль играют такие факторы, как географические условия, мировоззрение, уровень экономического развития, а также достижения в области технологий, науки и искусства. Именно изменения в обществе определяют смену архитектурных стилей. Архитектура обладает социальной природой, и ее развитие тесно связано с социокультурными процессами, происходящими в жизни общества. На особенности архитектурной среды не в последнюю очередь оказывают влияние и условия жизни общества: мировоззрение, философия, религия, экономика, технические возможности, развитие наук, искусств и ремесел.

Дом в своем физическом и концептуальном смысле был воплощением социальности и выражал оппозицию дикому, а значит опасному. И. Ходдер сформировал три понятия, относящихся к модели дома европейского неолита:

- домус – пространство социальных практик, место и практика воспитания, контроля;

- агриос – внешний мир (дикая, неосвоенная природа);

- форис – дверной проем [28].

Попытки осмысления архитектурного пространства как особой среды; архитектуры как особой сферы человеческой деятельности предпринимались еще в глубокой древности античными авторами.

Так и в дальнейшем классическая теория архитектуры развивалась в согласии с Аристотелевым правилом: «опыт есть знание единичных вещей, искусство же – общих» [1, с. 34]. Одной из первых работ на тему архитектурного пространства как среды была работа античного римского архитектора Витрувия «Десять книг об архитектуре», где он обсуждает влияние пространства на человека и предлагает принципы создания гармоничных и комфортных жилых сред. Это прочность, польза, красота.

Впоследствии к данной теме стали активно обращаться деятели эпохи возрождения и титаны эпохи просвещенного абсолютизма, стоящие у фундамента классической науки.

В 1746 году Шарль Батте, французский теоретик искусства, написал трактат «Изящные искусства, сведенные к единому принципу». Данный труд базировался на принципе Аристотеля: «подражай природе» и был написан под влиянием идей Джона Локка и Франсуа Мари Аруэ Вольтер. Классификация, представленная в этой работе, привела к тому, что изобразительное искусство (живопись, скульптура, архитектура и т. д.), отделенное от отраслей промышленности и различных научных и философских областей, было определено в самостоятельный раздел и получило право на общую концепцию искусства. Таким образом, изобразительное искусство выделялось на основе общего принципа подражания (*mimesis*) [4].

После эпохи Возрождения наше безоговорочное доверие к применению научной методологии в архитектуре напрямую вытекает из методов, описанных Жаком Николя Луи. Наследие Дюрана – это объективация стиля и техники,

и установление, казалось бы, непримиримых альтернатив: технологическое строительство (функциональное) против художественной архитектуры (формальной), ложная дихотомия необходимой структуры и случайного орнамента.

По приближении к XX веку работы на тему архитектуры отходят от умо-зрительных размышлений, приобретая все более отчетливо научные формы и содержание (в современном понимании данных концептов).

Примечательно, что до середины XVIII века в искусствоведческой литературе на архитектурную тематику термин «пространство» практически отсутствовал. И только в XIX–XX веках, с появлением работ Г. Вёльфлина, «пространство» занимает свое место в трудах на тему архитектуры.

Исследование архитектурного пространства и его восприятия является сложной задачей, которая на протяжении долгого времени вызывает интерес как у ученых, так и у практиков. Одним из первых значительных вкладов в эту область стал труд Рудольфа Арнхейма, который основывал свои идеи на принципах гештальтпсихологии. В своих работах он акцентирует внимание на значении композиционных акцентов в архитектуре, которые способны привлекать внимание и создавать впечатление у зрителей. Арнхейм подчеркивает, что архитектурные элементы, обладающие смыслом, должны быть размещены в определенных позициях по отношению друг к другу для достижения наилучшего эффекта восприятия [2].

Кевин Линч в своих исследованиях акцентирует внимание на восприятии городских структур людьми. Линч выделяет следующие элементы, способствующие ориентированию в городской среде: пути; границы; районы; узлы; ориентиры [17].

Линч, опираясь на эмпирические данные, демонстрирует влияние архитектурного окружения на человеческое поведение. Его методика позволяет глубже понять, как восприятие городской архитектуры формируется в зависимости от ее структуры.

Научные работы указанных теоретиков продемонстрировали, что архитектурное пространство значительно воздействует на психоэмоциональное состояние индивидов. Это положение также получает подтверждение от других исследователей, которые акцентируют внимание на взаимодействии человека с окружающей средой.

В первой половине XX века к рассмотрению пространства в теории архитектуры подключаются отечественные исследователи: В. Ф. Кринский, А. Г. Габрический, А. Ладовский. Н. А. Ладовский рассматривает пространство как один из материалов архитектуры. В данном случае пространство выходит из зрительной оценки и сбережений «психической энергии» человека. К основным факторам архитектурной композиции Ладовский относил цвет, пропорции, объем, масштабность, динамику, ритм и закономерности взаимовлияния массы и пространства. Начиная с 70-х годов XX века в теории архитектуры начинает разрабатываться проблема «языка пространственных отношений». Ю. Едик, К. Линч, В. Ф. Маркузон [10; 18; 20] преследовали задачу выявления

специфики «архитектурного словаря», «грамматических правил» архитектурного языка.

В рамках теории архитектуры активно продолжалась разработка проблемы восприятия архитектурного пространства. Здесь эмпирические данные служат основой для разработки практических решений, направленных на структурирование пространственной среды. Цель – оптимизировать условия жизнедеятельности человека посредством рациональной организации пространства.

В философской литературе проблема человеческого переживания пространства представлена в трудах М. Хайдеггера, в контексте рассмотрения концепта «пространственности существования». Под влиянием работ Хайдеггера, его последователи стали рассматривать пространство не просто как физическую категорию, а как неотъемлемую часть человеческого существования (Г. Башляр, О. Больнов, М. Мерло-Понти) [5; 6; 21]. «Архитектурное пространство – это экзистенциальное пространство, которое образуется при помощи физического пространства, измененного культурными символами и морально-ценностной системой человека» [22, с. 30].

В постмодернистской традиции архитектурное пространство рассматривается как некий текст. Этот «визуальный язык» не отражает объективную истину, а допускает различные толкования; содержит множество равнозначных значений; не является отражением действительности, но предлагает наличие различных интерпретаций и равноценных смыслов; отходит от реализма и допускает многозначность (Р. Барт, Ж. Деррида) [3; 9].

Граница XX–XXI веков охарактеризовала себя как период перехода в новые научные парадигмы. Поскольку вопрос, рассматриваемый нами, является предметом исследований обширной части гуманитарных дисциплин (и завязан на стремительных изменениях условий социального функционирования и новых этических нормах научного сообщества), многие актуальные (современные) подходы к его пониманию отталкиваются от противопоставления подходам прошлого века (т. е. существовавших ранее).

В середине прошлого века в понимании архитектурного пространства одну из главенствующих позиций занимал *функционалистский подход*. Функционализм в архитектуре исходит из принципа детерминированности пространственной организации структурой жизнедеятельности обитателя пространства. В контексте данного подхода выносятся постулаты, что «функции» (понимаемые как человеческие потребности) обладают имманентными пространственными требованиями. При этом антропологическая модель, лежащая в основе функционализма, характеризуется редукционизмом, представляя человека как рационального агента, ориентированного на оптимизацию затрат времени и энергии.

В конце XX века прежняя доминирующая идеология, ставившая во главу угла машинизацию, обезличивание и отчуждение человека от общества и приведшая к созданию сухих и неживых функциональных проектов, утратила свою силу.

На данный момент в русле функционализма развиваются концепции «безбарьерной» среды, «всевозрастной» среды, «универсального проектирования», эргономические и антропометрические подходы.

В противовес функционализму в конце XX века появляются подходы к пониманию архитектурного пространства с ориентацией на индивидуальные особенности отдельных личностей. На фоне широкой тенденции к маркизации развития городской среды и архитектуры в Европе и США очевидно становление парадигмы потребительства как преобладающей. *Консьюмеризм* – парадигма ориентации на потребителя, корни которой, однако, уходят далеко в историческое прошлое. Отличительная черта данного подхода – уважение к индивидуальным предпочтениям и потребностям клиента в формировании его жизненного пространства. Концепция «потребности», как она проявляется в различных формах консьюмеризма, с акцентом на «предпочтениях», «неудовлетворенности» и «повседневной деятельности», играет ключевую роль в формировании среды обитания. Существуют значительные различия в моделях «потребности» и «удовлетворения потребностей» между массовым коммерческим и элитарным сегментами архитектурной практики. Развитие консьюмеризма в архитектурной сфере было обусловлено внутренними изменениями в профессиональной сфере (архитектуры), в частности отказом от доминирующей ранее концепции архитектурного патернализма, предполагавшей профессиональное превосходство и право на диктат в отношении клиента. Это привело к признанию за потребителем автономии в выборе не только функциональной организации пространства, но и его художественного оформления.

В *средовой парадигме* человек рассматривается не просто как «пользователь», «потребитель», но и со-творец собственного пространства. Вместо привычного разделения на «клиента» (пользователя) и «архитектора» (создателя) средовая парадигма предполагает рассмотрение локального сообщества как единой силы, одновременно и живущей в определенном месте, и формирующей его. Иными словами, жители становятся не просто потребителями среды, созданной кем-то другим, а активными участниками ее создания и развития. Архитекторы, придерживающиеся средового подхода, исходят из того, что потребность в определенной среде не является предопределенной, а формируется и осознается в процессе ее проектирования и создания. В этой парадигме архитектор отказывается от роли авторитарного эксперта, но и не сводится к простому исполнителю желаний заказчика. Эта ветвь социально-архитектурного знания представлена сегодня концепциями «защитающего градостроительства», «архитектуры соучастия», «открытого проектирования», «Нового урбанизма», «Разумного роста». Через средовую парадигму происходит актуализация вопросов исследования архитектурного пространства посредством объединения с социальной проблематикой всей глобальности экологической темы. Эта диффузия представлена следующими концепциями: «устойчивости», «устойчивой архитектуры, города и жилища», «экопоселений» и «экодеревень».

Феноменологическая парадигма, как и средовая, зародилась и развивалась в противодействии идеям функционализма и в стремлении утвердить в архитектуре гуманистические ценности. Она одинаково скептически воспринимает как оторванные от жизни научные теории (статистические данные, социологические опросы, формальные и усредненные социальные модели), так и очевидные, но субъективные данные о людях (например, заявленные ими потребности или наблюдаемое поведение). Феноменологическая перспектива предполагает деконструкцию привычных интерпретаций и защитных механизмов с целью доступа к непосредственному опыту сознания. В рамках этого подхода эмпирическая реальность рассматривается как конституирующая содержание индивидуального «жизненного мира». Дональд Шён концептуализировал подобный тип профессиональной деятельности как рефлексивную практику.

Благодаря феноменологии архитектурная культура получает в свое распоряжение не только более глубокое понимание, но и более изысканные инструменты для анализа и осмысления социальной среды: «ментальные карты» Кевина Линча, метод «семантического дифференциала», «включенное наблюдение», исследование «жизненных историй» и другие приемы «качественной социологии». Феноменологическими являются концепции «места», «делания мест», «духа места», «духа времени», «аутентичности», «отождествления (идентификации)».

В архитектурной сфере, как в теории, так и на практике, все более утверждается *интеракционистская парадигма*, которая исходит из представления о человеке как об активном участнике социальных процессов. Архитектор рассматривает социальное взаимодействие и коммуникацию как фундаментальную составляющую человеческого существования. Соответственно, архитектурное проектирование должно учитывать и поощрять эти процессы в создаваемой среде. Интеракционизм, будучи глубоко «социализированной» парадигмой, генерирует собственные социальные концепции и модели, которые активно распространяются за пределы архитектурной сферы. Концепции подхода: «соседской единицы», «комьюнити», «социальной эргономики», «общинного жилища», «центров общения», «защищающего пространства», «смешанной застройки», «промежутка».

Релятивистская традиция опирается на критику позитивизма (К. Поппер, Т. Кун). Данная парадигма опирается на социологию и психологию. В противовес объективному и формализованному знанию выдвигается на первый план субъективное понимание: как конкретные люди и сообщества интерпретируют события, социальные связи и окружающую среду, наделяя их собственными смыслами и значениями [25, с. 113–123].

Социальный аспект архитектуры претерпел значительные изменения в период с 1950-х по 1980-е годы. На смену функционализму и позитивизму пришли средовая и феноменологическая парадигмы, которые и сегодня определяют архитектурное мышление. Именно через призму этих подходов современные архитекторы рассматривают и интерпретируют социальную

реальность. Преобладание средовых и феноменологических теорий в списке наиболее цитируемых работ по социальной проблематике подтверждает их доминирующее влияние.

Благодаря происходящим изменениям архитектура как область знания, теоретическая дисциплина и профессиональная деятельность приобретает более демократичный, гуманистический и интеллектуальный характер.

Наше понимание пространства – это результат длительного исторического развития, которое продолжается и сегодня, поскольку наука постоянно расширяет наши знания. То, как люди воспринимали пространство, менялось с течением времени. Это понятие осмысливалось с разных точек зрения: религиозной, мифологической, натурфилософской и научно-философской. В мифопоэтическом мировоззрении пространство представлялось как загадочная сила, определяющая судьбу всего сущего, включая людей и богов. Пространство всегда мыслилось заполненным, не существующим в пустоте. Отсутствие пространства ассоциировалось с хаосом, который затем преобразовывался в упорядоченное пространство. Для первобытных людей пространство было одушевленным, наделенным как положительными, так и отрицательными качествами, благоприятным для одних занятий и опасным для других.

Человеческое восприятие пространства строилось по принципу оппозиций: верх и низ, правое и левое, центр и периферия. Центр, как правило, наделялся сакральным значением, являясь местом сосредоточения духовной силы (алтарь, храм). Периферия, напротив, представляла собой область потенциальной угрозы, часто выходящую за пределы освоенного мира, символизируемую фразой «иди туда, не знаю куда». Путешествие в эту «чужую» зону, характерное для мифологических и сказочных героев, приводило к ее освоению и интеграции в «свое» пространство [7, с. 38].

Мифологическое мышление подразумевает три типа пространства: пространство вертикали (одно измерение); пространство движения по кругу; пространство жидкое (тяготеет к центру, связано с водой).

В античные времена философы, стремясь постичь фундаментальные истины, уделяли значительное внимание природе пространства. В частности, Платон предлагал свою концепцию пространства: «вечно, не приемлет разрушения, дарует обитель всему рождающемуся. Но само воспринимается вне ощущения, посредством некоего незаконного умозаключения и поверить в него почти невозможно...» [23, с. 68].

Платон предложил модель геометрического пространства, в котором существуют совершенные геометрические формы. Он утверждал, что фундаментальные строительные блоки материи – это микроскопические частицы, имеющие форму правильных многогранников, известных как Платоновы тела (куб, тетраэдр и другие). Эта концепция Платона о природе материи впоследствии легла в основу теоретических построений в области архитектурного пространства [23, с. 367].

По мнению Аристотеля, пространство и время не существуют отдельно, а образуют неразрывное единство, постоянно влияя друг на друга: «Простран-

ство и время, не бесконечно разделены, а лишь бесконечно делимы, поэтому в непрерывном движении заключается бесконечное число половин, но только не актуально, а потенциально» [1, с. 209].

Согласно Аристотелю, пространство неразрывно связано с материей и всегда заполнено телами, исключая возможность существования пустоты. Он также придерживался идеи конечности пространства.

В период между античностью и средневековьем категория пространства не являлась предметом активного философского анализа. В Средние века понимание пространства формировалось под влиянием религиозной доктрины, что привело к его разделению на сферы: земную и божественную. «Граница между этими пространствами проходит везде – в человеке, во всех вещах, в мире в целом» [16, с. 60].

В Средние века большинство людей проводили всю жизнь в пределах родного поселения, что формировало их восприятие мира. Пространство для них было целостным и определялось христианской верой. Средневековый мир представлялся как замкнутая система, где священные места являлись центром, а обыденная жизнь – периферией. При этом пространство обладало двойственностью: с одной стороны, оно было наполнено возвышенным и таинственным, с другой – представляло собой конкретную и привычную реальность.

В эпоху Возрождения формируется новая космологическая модель, характеризующаяся пересмотром представлений о пространстве. Великие географические открытия способствовали осознанию огромных масштабов Земли и, как следствие, представлению о бесконечности и непознаваемости Вселенной.

В эпоху Нового времени научная мысль не прекращала попыток осмыслить природу пространства. В частности, Рене Декарт утверждал, что пространство неразрывно связано с материей и является ее протяжением. По его мнению, пространство – это единая непрерывная субстанция, заполненная телами, что исключает возможность существования пустоты: «все пространства, которые обычно считаются пустыми и в которых не чувствуется ничего кроме воздуха, на самом деле так же наполнены и притом той же самой материей, как и те пространства, где мы чувствует другие тела». Согласно реляционной концепции Декарта, пространство и время не являются независимыми сущностями, а представляют собой систему отношений, возникающих между материальными объектами. Пространство – это форма существования материи, определяемая ее протяженностью и структурой. Время же является производным от более фундаментальных процессов, происходящих с материей. Следовательно, любое событие, происходящее в пространстве, обязательно происходит и во времени. Эта реляционная точка зрения нашла отражение в трудах Эйнштейна и Лобачевского. В отличие от этого, субстанциальная концепция рассматривает пространство как абсолютную пустоту, а время – как независимую и абсолютную длительность. Данные категории существуют как независимые сущности, не связанные ни с материальным миром, ни с происходящими в нем процессами, ни между собой [8, с. 190].

В античности и в эпоху Нового времени существовала концепция, согласно которой пространство и время являются самостоятельными сущностями, не зависящими от материи. Видными представителями этой точки зрения были Демокрит, Эпикур и особенно Исаак Ньютон, чья теория абсолютного пространства и времени оказала огромное влияние. Ньютон представлял пространство как бесконечный, трехмерный и неизменный контейнер, в котором разворачиваются все физические процессы. Однако с развитием физики, а именно после создания Эйнштейном специальной теории относительности, эта субстанциональная концепция была поставлена под сомнение. Альтернативную точку зрения предложил Иммануил Кант, который считал пространство не объективной реальностью, а априорной формой чувственности, то есть врожденной структурой нашего сознания, необходимой для организации внешних впечатлений. Для Канта пространство и время были не чем-то существующим вне нас, а фундаментальными категориями, определяющими наше восприятие мира [12, с. 380].

В ряду мыслителей, занимавшихся вопросами пространства, следует упомянуть Г. Лейбница. Согласно его представлениям, пространство – это порядок сосуществования, который не может существовать без объектов.

В отличие от Ньютона, который считал пространство абсолютной и независимой сущностью, Лейбниц утверждал, что пространство не существует само по себе. По его мнению, пространство – это не более чем совокупность пространственных отношений между объектами. Существование и свойства пространства напрямую зависят от объектов, которые его заполняют. Лейбниц ввел понятие «монад» – фундаментальных, нематериальных элементов реальности, каждая из которых обладает уникальным восприятием вселенной. Наше ощущение пространства, согласно Лейбницу, возникает именно из этих индивидуальных перспектив и их взаимосвязей. Пространство, таким образом, является ментальной конструкцией, порожденной расположением и взаимодействием монад. Лейбниц также утверждал, что не существует двух абсолютно идентичных объектов, и этот принцип распространялся и на пространство: если бы две области пространства были совершенно одинаковы, они были бы одним и тем же. Это подкрепляло его отказ от абсолютного пространства, поскольку не было бы смысла в существовании нескольких идентичных пространств. В отличие от статической картины Ньютона, Лейбниц видел пространство как динамичную сущность, изменяющуюся вместе с движением объектов и эволюцией их взаимоотношений [14, с. 480].

Согласно Хайдеггеру, пространство не является физической данностью, окружающей человека. Он понимал его как некую аморфную сущность, не имеющую ни внутренней структуры, ни внешних очертаний. Пространство, в его понимании, не содержит в себе никаких конкретных объектов. Оно проявляется лишь во взаимосвязи и взаимодействии воспринимаемых вещей [25, с. 113].

Таким образом, категория «пространство» является основополагающей в философии и широко используется как в повседневном языке, так и в науч-

ных исследованиях. Ее понимание углубляется и трансформируется с течением времени.

Как было сказано ранее, понятие пространства является ключевым и изучается в различных областях знания, включая как гуманитарные (культурология, философия, теория архитектуры, социология), так и естественно-научные и технические дисциплины (физика, математика). В связи с этим далее мы анализируем термин «пространство», используя междисциплинарный подход.

В физике пространство рассматривается как фундаментальная, первичная сущность, в которой разворачиваются все физические процессы и существуют все объекты. Это не просто пустая вместимость, а реальный объект, обладающий физическими свойствами и предоставляющий возможность перемещения. Пространство существует независимо от наблюдателя и его представлений о нем. В отличие от математического понимания пространства как логической структуры, физическое пространство – это объективная реальность, в которой существует вся материя.

Многие математические структуры наделяются свойствами, имитирующими пространственные отношения, например, понятие расстояния или идентичности форм. Благодаря этому, мы можем рассматривать их как абстрактные «пространства», представляющие собой логически конструируемые пространственные модели. Евклидово пространство в трех измерениях, возникшее первым, является ключевым примером и служит упрощенной математической моделью физического пространства.

Стоит отметить, что архитектурное пространство неразрывно связано с социальным, поскольку архитектура служит материальным воплощением социальных отношений и процессов. Подобно тому, как П. А. Сорокин анализировал социальные явления в контексте социального пространства, архитектура отражает динамику и структуру общества. Социальное пространство, по Сорокину, представляет собой сеть социальных связей, создаваемых различными группами. Позиция в этом пространстве определяет характер взаимодействия между индивидами и социальными явлениями. Сорокин выделял два измерения социального пространства: вертикальное, подверженное изменениям из-за социальной мобильности и экономических факторов, и горизонтальное, более стабильное и связанное с личными границами [24, с. 174].

Согласно Э. Гидденсу, социальное пространство является результатом динамичного взаимодействия между социальными структурами и действующими лицами (агентами), разворачивающегося в определенном временном и пространственном контексте. М. Кастельс, анализируя современное общество, пронизанное информационными технологиями, выделяет «пространство потоков» как новую форму организации пространства, включающую в себя глобальные потоки капитала, информации, технологий, визуальных и звуковых образов, а также символов. Пространство потоков – это выражение процессов, доминирующих в экономической, политической и символической жизни людей. Кастельс рассматривает пространство как социальное явление, подчеркивая, что оно формируется под воздействием социальных практик. Он считает, что

социальные отношения первичны, а пространственные формы – их следствие [13, с. 364].

Согласно определению доктора философских наук О. И. Иванова, социальное пространство – это способ организации совместной жизни людей, сформированный исторически. В широком понимании это общая форма этой организации. В более узком – это упорядоченная система социальных позиций, необходимых для жизнедеятельности. О. И. Иванов акцентирует внимание на том, что расположение и взаимодействие людей в социальном пространстве напрямую связаны с развитием их потенциала. Это пространство состоит из различных социальных полей, которые могут быть как открытыми и доступными, так и закрытыми и недоступными.

Изучение пространства является важной темой в культурологии. Одним из важнейших трудов в этой области можно по праву считать работу А. Лефевра «Производство пространства». Лефевр исследует, как общественные, экономические и политические факторы влияют на создание и формирование пространства, в котором мы живем. Он утверждает, что пространство не является пассивным, а активно «производится» обществом, и это понимание является ключом к анализу культуры и социальных структур [15, с. 389].

Т. В. Чапля отмечает, что «именно через архитектуру человек впервые попадает в пространство культуры» [26, с. 20; 27]. Архитектурное пространство является неотъемлемой частью повседневного опыта человека, характеризуясь стабильностью и визуальной доступностью и оказывая влияние на различные аспекты его деятельности.

В своей работе А. В. Иконников, рассматривая фундаментальные понятия архитектуры – пространство и форму, подчеркивает, что архитектура как вид искусства выполняет важную культурную и гуманистическую функцию. Он полагает, что «пространство, целесообразно организованное для социально значимой цели, вмещающее человека и воспринимаемое им зрительно». Архитектура с ее predetermined структурой важна не только для практических нужд, но и для формирования ценностных ориентиров. Она является носителем общекультурного наследия, вызывая эмоциональный отклик и эстетическое наслаждение, и представляет собой художественное произведение [11, с. 167].

В своей работе «Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве» А. В. Иконников подчеркивает, что архитектура – это не просто искусство, а сложный синтез, в котором эстетика, общественные потребности и практическая польза неразрывно связаны: «Архитектура всегда служила инструментом выражения общественных идеалов и одновременно формировала повседневную жизнь человека» [11, с. 127].

А. В. Иконников, подобно Ю. М. Лотману, рассматривает архитектурное пространство, особенно город, как семиотическую систему. Лотман видел в городе сложный культурный механизм, гармонизирующий отношения человека и среды. Иконников подчеркивает, что архитектурные решения, основанные на идеальных моделях жизнеустройства, не только выполняют практические

функции, но и несут в себе информацию, выраженную в форме и художественной ценности.

Таким образом, по Ю. М. Лотману, архитектура – это текст в контексте: «работающий механизм, постоянно воссоздающий себя в меняющемся облике и генерирующий новую информацию» [19, с. 288].

Архитектурное пространство невозможно рассматривать только с точки зрения архитектуры. Архитектурное пространство – это многогранное понятие, выходящее за рамки одной лишь области, так как оно является и физическим, и математическим, и философским, и социокультурным понятием, отражающим взаимодействие человека с окружающим миром и другими индивидуумами.

Заключение. Исторически специфические черты различных подходов к рассмотрению архитектурного пространства были обусловлены культурно-социальными особенностями развития общества на тех или иных этапах своего становления. Представления об архитектурном пространстве всегда были связаны с развитием человечества. В современном мире, характеризующемся технологическим бумом и динамичными социальными изменениями, архитектура и дизайн требуют инновационных научных подходов к созданию и изучению пространства, учитывающих его взаимодействие с человеком и обществом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Аристотель.** О возникновении и уничтожении. – М.: Мысль, 1981. – 613 с.
2. **Арнхейм Р.** Динамика архитектурных форм / пер. с англ. В. Л. Глазычева. – М.: Стройиздат, 1984. – 193 с.
3. **Барт Р.** Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, Универс, Рея, 1994. – 615 с.
4. **Баттё Ш.** Изящные искусства, сведенные к единому принципу / пер. с фр. А. Ромма // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: в 5 т. Т. 2: Эстетические учения XVII–XVIII веков / ред. коллегия М. Ф. Овсянников (гл. ред.); сост. В. П. Шестаков. – М., 1964. – 834 с.
5. **Башляр Г.** Дом от погреба до чердака. Смысл жилища // Логос. – М., 2002. – № 3-4. – С. 109–135.
6. **Больнов О. Ф.** Философия экзистенциализма. – СПб.: Лань, 1999. – 224 с.
7. **Гуревич А. Я.** Категория средневековой культуры. – М.: Мысль, 1984. – 350 с.
8. **Декарт Р.** Размышления о первой философии. – М.: Новое знание, 1989. – 654 с.
9. **Деррида Ж.** Поля философии / пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. – М.: Академический проект, 2012. – 375 с.
10. **Едике Ю.** История современной архитектуры: Синтез формы, функции и конструкции. – М.: Искусство, 1972. – 246 с.
11. **Иконников А. В.** Пространство и форма в архитектуре градостроительства. – М.: КомКнига, 2006. – 352 с.
12. **Кант И.** Всеобщая естественная история и теория неба. – М.: Мысль, 1964. – 799 с.
13. **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 608 с.
14. **Лейбниц Г. В.** Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. – Т. 4. – М.: Мысль, 1989. – 870 с.
15. **Лефевр А.** Производство пространства. – М.: Strelka Press, 2015. – 432 с.
16. **Либба Е. А.** Средневековые представления о пространстве и времени на примере «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера: автореф. дис. ... канд. культурологии. – М., 2009. – 183 с.
17. **Линч К.** Образ города / перевод с англ. В. Л. Глазычева. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.

18. Линч К. Совершенная форма в градостроительстве. – М.: Стройиздат, 1986. – 264 с.
19. Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
20. Маркузон В. Ф. Архитектура архаической эпохи // Всеобщая история архитектуры: в 12 т. Т. 2. – М.: Стройиздат, 1973. – 742 с.
21. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб.: Ювента: Наука, 1999. – 605 с.
22. Норберг-Шульц К. Замыслы и метод в архитектуре. – М.: Прогресс, 1971. – 184 с.
23. Платон. Тимей. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. – 752 с.
24. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
25. Хайдеггер М. Что это такое – философия? // Вопросы философии. – 1993. – № 8. – С. 113–123.
26. Чапля Т. В. Архитектурное и общественное поведение // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2017. – № 1. – С. 20–27.
27. Чапля Т. В. История архитектуры в зеркале истории коммуникативного пространства // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 415. – С. 136–143.
28. Hodder I. Burials, houses, women and men in the European Neolithic // Ideology, Power and Prehistory / eds. D. Miller and C. Tilley. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – P. 53–69.

REFERENCES

1. Aristotle. On Generation and Corruption. Moscow: Mysl, 1981, 613 p. (In Russian)
2. Arnheim R. The Dynamics of Architectural Forms. Translated from English by V. L. Glazyshev. Moscow: Stroyizdat, 1984, 193 p. (In Russian)
3. Barthes R. Selected Works: Semiotics. Poetics: Translated from French / Compiled, edited and with an introduction by G. K. Kosikov. Moscow: Progress, Univers, Reya, 1994, 615 p. (In Russian)
4. Battier S. The Fine Arts Reduced to a Single Principle / Translated from French by A. Romma. *History of Aesthetics. Monuments of World Aesthetic Thought*: in 5 vols. Vol. 2: Aesthetic Teachings of the 17th-18th Centuries / Edited by M. F. Ovsyannikov (chief editor). Edited and compiled by V. P. Shestakov. Moscow, 1964, 834 p. (In Russian)
5. Bashlyar G. The House from Cellar to Attic. The Meaning of Dwelling. *Logos*. Moscow, 2002, no. 3-4, pp. 109–135. (In Russian)
6. Bolnov O. F. The Philosophy of Existentialism. St. Petersburg: Lan, 1999, 224 p. (In Russian)
7. Gurevich A. Ya. The Category of Medieval Culture. Moscow: Mysl, 1984, 350 p. (In Russian)
8. Descartes R. Meditations on First Philosophy. Moscow: Novoye znanie, 1989, 654 p. (In Russian)
9. Derrida J. Fields of Philosophy / translated from French by D. Yu. Kralechkin. Moscow: Academic Project, 2012, 375 p. (In Russian)
10. Edike Yu. History of Modern Architecture: Synthesis of Form, Function and Construction. Moscow: Art, 1972, 246 p. (In Russian)
11. Ikonnikov A. V. Space and Form in Urban Architecture. Moscow: KomKniga, 2006, 352 p. (In Russian)
12. Kant I. Universal Natural History and Theory of the Heavens. Moscow: Mysl, 1964, 799 p. (In Russian)
13. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Moscow: GU-VShE, 2000, 608 p. (In Russian)
14. Leibniz G. W. Theodicy: On the Goodness of God, Human Freedom, and the Origin of Evil. Leibniz, G. W. *Works*: In 4 vols. Vol. 4. Moscow: Mysl, 1989, 870 p. (In Russian)
15. Lefebvre A. The Production of Space. Moscow: Strelka Press, 2015, 432 p. (In Russian)
16. Libba E. A. Medieval conceptions of space and time as exemplified by Geoffrey Chaucer's Canterbury Tales: abstract of dissertation ... candidate of cultural studies. Moscow, 2009, 183 p. (In Russian)
17. Lynch K. The Image of the City / translated from English by V. L. Glazyshev. Moscow: Stroyizdat, 1982, 328 p. (In Russian)
18. Lynch K. The Perfect Form in Urban Planning. Moscow: Stroyizdat, 1986, 264 p. (In Russian)
19. Lotman Yu. M. Semiosphere. Culture and Explosion. Inside Thinking Worlds: Articles. Research. Notes. St. Petersburg: Iskustvo-SPb, 2000, 704 p. (In Russian)
20. Markuzon V. F. Architecture of the Archaic Era. *General History of Architecture*: In 12 vols. Vol. 2. Moscow: Stroyizdat, 1973, 742 p. (In Russian)
21. Merleau-Ponty M. Phenomenology of Perception. St. Petersburg: Juventa: Nauka, 1999, 605 p.

22. Norberg-Schulz K. Concepts and Methods in Architecture. Moscow: Progress, 1971, 184 p. (In Russian)
23. Plato. Timaeus. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House, 2007, 752 p. (In Russian)
24. Sorokin P. A. Man. Civilisation. Society. Moscow: Politizdat, 1992, 543 p. (In Russian)
25. Heidegger M. What is Philosophy? *Questions of Philosophy*, 1993, no. 8, pp. 113–123. (In Russian)
26. Chaplya T. V. Architectural and Social Behaviour. *Interexpo Geo-Siberia*, 2017, no. 1, pp. 20–27. (In Russian)
27. Chaplya T. V. Die Geschichte der Architektur im Spiegel der Geschichte des Kommunikationsraums. *Bulletin der Staatlichen Universität Tomsk*, 2017, no. 415, pp. 136–143. (In Russian)
28. Hodder I., 1984. Burials, houses, women and men in the European Neolithic. D. Miller und C. Tilley (Hrsg.) *Ideology, Power and Prehistory*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 53–69.

Информация об авторах

Т. В. Чапля, доктор культурологии, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, chap_70@mail.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9712-7478>

В. А. Ванеев, аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, vladimir.vaneev.00@mail.ru

Information about authors

Tatyana V. Chaplya, Doctor of Culturology, Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, chap_70@mail.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9712-7478>

Vladimir A. Vaneev, postgraduate student, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, vladimir.vaneev.00@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 12.06.2025

Одобрена после рецензирования: 12.09.2025

Принята к публикации: 19.09.2025

The article was submitted: 12.06.2025

Approved after reviewing: 12.09.2025

Accepted for publication: 19.09.2025